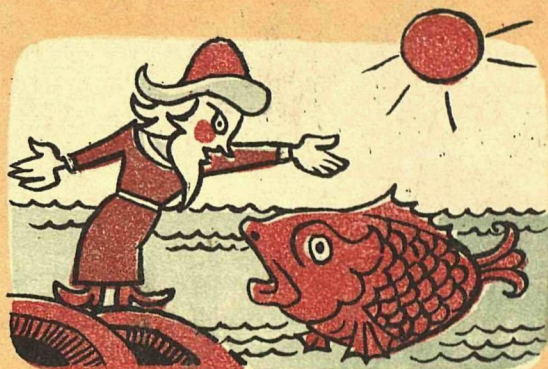

Сказка о Лотыше и рыбке

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря.
Была у него в синем море
Знакомая золотая рыбка.
Сказала раз старику старуха:
— Дурачина ты, простофиля,
Что толку нам в твоей рыбке —
Попроси у неё легковую машину.

Пошёл старик к синему морю,
Поклонился золотой рыбке.
— Смилуйся, — говорит он ей, — рыбка,
Требуется моя старуха машину.
Отвечает золотая рыбка:
— Не печалься, ступай себе с богом,
Вот тебе ордер, старче,
Старухе на легковую машину.

Приехал старик домой на машине.
Ещё пуще старуха бранится:
— Отправляйся к синему морю,
Попроси у рыбки новую квартиру.
Поехал старик к синему морю.
Отвечает ему золотая рыбка:
— Не печалься, езжай себе с богом.
Вот тебе ордер на новую квартиру.

Сидит старуха в новой квартире,
Ещё пуще старика ругает:
— Воротись, дурачина, к рыбке,
Попроси у неё новое корыто —
Моё-то совсем раскололось.

Пошёл старик к синему морю:
— Смилуйся, золотая рыбка,
Совсем моя старуха обалдела —
Захотела, вишь, нового корыта.
Ну, приёмник бы попросила,
Ну, там дачу ли, самолёт ли.
А она вот о чём размышлялась...
— Да, — промолвила рыбка сердито, —
С ширпотребом у нас неувязка.
Есть сейчас новые корыта
Только в старых пушкинских сказках.

ЛЕЙ В АДУ

Лей покончил самоубийством, не дождавшись приговора суда.

Рис. Г. Валька

— Куда попередь батьки в пекло лезешь? Ведь ты же девятый в списке.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

НЬЮ-ЙОРК. Касаясь предстоящих выборов в СССР, мистер Херст заявил: «Я не понимаю такой демократии, при которой за свои деньги нельзя купить нужное количество голосов».

ЛОНДОН. Английский журнал «Экономист» стремится доказать необходимость сохранения секрета атомной энергии. При этом «Экономисту» никак не удастся сохранить в секрете энергию, с которой он ведёт антисоветскую кампанию.

АНКАРА. Комментируя требования американских армян о воссоединении всего армянского народа, турецкий журналист Секим-Башка заявил: «Я считаю, что Карс и Ардаган по составу населения не могут считаться армянскими территориями, так как все армяне в этих местах нами заблаговременно истреблены».

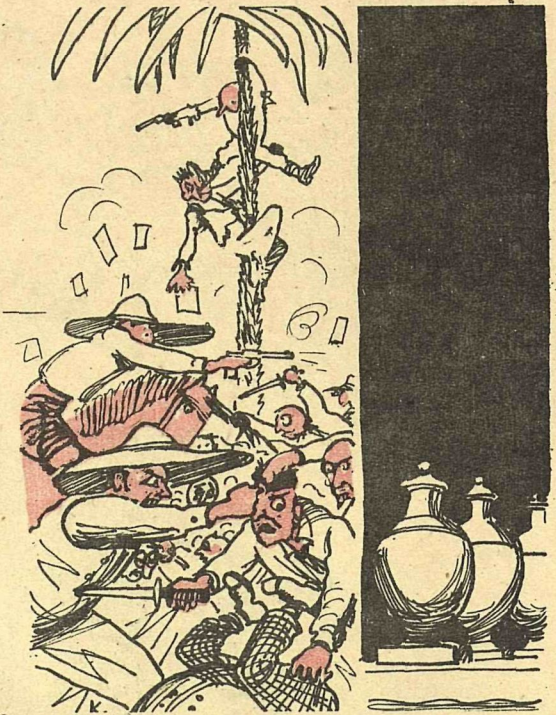
ХЕЛЬСИНКИ. Недоумению Рюти и Таннера, вызванному тем, что их до сих пор не судили, пришёл конец. Скоро начнётся процесс.

ЛОНДОН. Здесь начисто ограбили квартиру майора Винвуда, защищавшего Крамера на Бельзенском процессе. Задержанные злоумышленники вели себя вполне спокойно и на первом же допросе заявили: «Майор Винвуд нас не станет обвинять. Наоборот, он возьмёт нас под свою защиту, поскольку мы не знаем законов».

ИЗБИРАТЕЛИ И ИЗБИВАТЕЛИ

Профашистские элементы в Бразилии избивают демократически настроенных избирателей.

Рис. А. Каневского

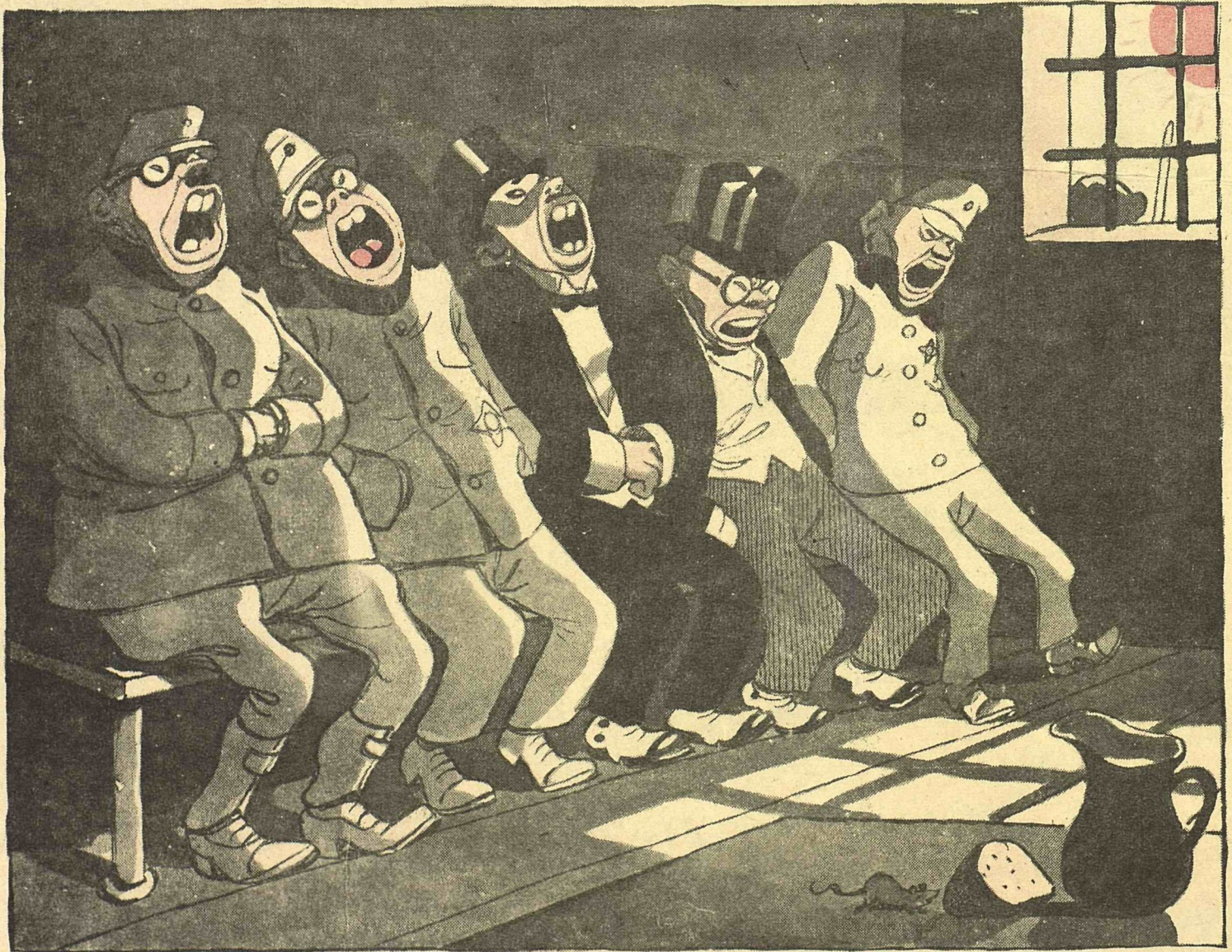
Избиратели

и

их урны

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Рис. Ю. Ганфа

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ МИНИСТРЫ (х о р о м): — «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно!..».

Проверьте ваши часы, товарищ директор второго часового завода!

Дорогой гость

В СУББОТУ вечером пошёл я в гости к Капустинным.

Собралось человек двенадцать — все свои, сослуживцы то есть. Веселились.

Капустин Потап Семёныч справлял день своего рождения. Сколько ему исполнилось, не помню, но закуску, в отдельности винегрет, до сих пор забыть не могу. Правда, врачи заверяют, что опасаться нечего и что это скоро пройдёт.

Вообще с харчами в этот вечер не повезло. А виноват Чириков, наш счетовод. Он каждому из нас поочередно шепнул на ухо:

— Не наедайтесь, братцы, хлебом...

Мы это поняли, как прямой намёк на пироги, которые так искусно печёт Дарья Михайловна, хозяйка. А посему в ожидании яств не особенно налегали на прозу. Но представьте себе наше разочарование: пирогов на сей раз не оказалось. Допрошенный нами по этому делу, Чириков показал:

— Я советовал не наедаться хлебом лишь потому, что как раз накануне Потап Семёныч потерял одну хлебную карточку...

Всё это я рассказываю вам так, между прочим. А главный сюжет — впереди.

Дело в том, что Потап Семёныч часов с девяти начал крепко нервничать. Даже малость лицом посерел. Вот уже одиннадцатый час, а дорогого гостя Поликарпа Васильича всё нет и нет. Между тем твёрдо обещал посетить.

Вдруг на столе дрогнули и затрепетали бутылки, рюмки, тарелки, ножи, вилки и блюдо с винегретом. Но раньше их дрогнул и затрепетал хозяин дома — это он вскокинул, как ошпаренный, и привёл в смятение весь стол. А ещё раньше хозяина дома дрогнул и затрепетал звонок в передней.

Словом, пожаловал дорогой гость Поликарп Васильич, наш начальник.

С появлением начальника стало светлее. Словно яркое солнце ворвалось в комнату. Что объясняется следующим: Дарья Михайловна немедленно включила люстру с двумя стосвечёвыми лампами.

Кроме света хозяйка добавила два-три графинчика и соответствующую закуску. Пир пошёл горой. Веселились.

Каждый старался чокнуться с начальником. Тот вначале хотел было уклониться:

— Я вообще непьющий... И вообще я заехал всего минут на двадцать... И вообще, знаете ли...

Потап Семёныч по случаю торжества осмелился прервать оратора.

— В этот момент, — произнёс он, улыбаясь почти фамильярно, — в этот момент, Поликарп Васильич, вы мне не начальник, а гость. А как таковой должны подчиняться хозяину.

Остроумно и смело! Мы взглянули на Поликарпа Васильича — он улыбнулся. И мы все громко засмеялись.

— Правильно! — закричали мы. — Правильно! Мы все пьём ваше здоровье и поднимаем бокалы не за начальника, а просто за человека.

Очень всё это культурно получилось, без всякого подхалимства. Веселились.

Поликарп Васильич опять улыбнулся — второй раз за отчётный вечер. Выпив и закусив, он сказал:

— Так-то, вообще... Был я только что у наркома...

Мы сразу притихли. Тут Поликарп Васильич вздохнул:

— Придётся мне расстаться с вами... Вообще меня освободили... от занимаемой должности... Вот как!

Если бы после этого разорвалась вот тут, среди нас, атомная бомба средних размеров, мы бы на неё не обратили никакого внимания. Такое сильное впечатление произвело на нас заявление Поликарпа Васильича!

Первым пришёл в себя хозяин. Он хлопнул по плечу бывшего начальника и ободряюще сказал:

— Это ничего. Повторяю, вы нам дороги просто, как человек. Выпьем!

— Закусывайте, — добавила хозяйка, приятно улыбаясь. — Закусывайте не как начальник, а как человек.

Мы все — хором:

— Совершенно справедливо. Ваше здоровье, дорогой Поликарп Васильич!

Веселились. Но, откровенно говоря, в наших репликах уже не чувствовалось прежней го-

рячности. Уже не было прежнего блеска в наших глазах.

Правда, мы все старались показать, что «ничего особенного», что мы продолжаем уважать. Но как-то получилось, что постепенно почти все отчалили от корабля, севшего на мель. Нести вахту возле него остался лишь Потап Семёныч — из чувства гостеприимства.

Вдруг Поликарпу Васильичу вздумалось зачем-то рассказать анекдот. С ним это и раньше случалось. Но когда он был начальником, он умел хорошо рассказывать анекдоты, и мы, слушая его, всегда громко хохотали. А сейчас получилось не смешно...

Никто не смеялся. Кроме меня. А я действовал по старой привычке.

Наконец, он встал и решительно заявил, что ему пора. Его, конечно, удерживали, но...

Но, представьте себе, как бы его упрасивали, если бы не были осведомлены, что он, Поликарп Васильич, уже не тот Поликарп Васильич.

Он вышел на улицу. И вот тут-то, кажется, начинается новая страница в моей скромной биографии.

Итак, Поликарп Васильич вышел на улицу. А я — за ним. Не знаю, что меня толкнуло на этот шаг, — может быть, чувство жалости, а может быть, я в тот момент вспомнил пословицу: «Не пкой в колодезь — пригодится воды напиться».

Я проводил его до машины. А он, уже садясь в машину, пожал мне руку и сказал:

— Вообще, Милёнкин, зайдите ко мне в главк.

— Куда? — спросил я.

— В главк. Поговорим вообще о работе. Я ведь назначен начальником нашего главка.

— О! — воскликнул я так, что в небе дрогнули звёзды, а на земле затрепетал мотор автомобиля. — С повышением вас, Поли...

Но слова мои растаяли в воздухе. Машина с Поликарпом Васильичем уже заворачивала за угол.

Я смотрел вдаль и веселился. Надо всегда смотреть вдаль.

Г. РЫКЛИН

— Ну, колбасу и прочую закуску я на тебя спишу!
А водку на кого?

СЛЕЗАЙ,—ПРИЕХАЛИ

(Стоя раднотслушателя)

Слышу много, много дней:
«Еду, еду, еду к ней...»
Не заездили коня,
Но заездили меня!

Оливер СВИСТ

У НАС на предприятии возьми и захворай один инспектор по сбыту продукции. А ему завтра в командировку ехать, в облторгдел. Другой же инспектор как раз перед этим возьми да и слети с места: он у нас всех дедов-морозов затоварил, ящиков двенадцать. Мы, видите ли, вырабатываем разную художественную продукцию из пальемаше: дедов-морозов, карнавальные маски, всякие учебные пособия в виде раскрашенных в натуральные колера сердец, лёгких, брюшных полостей и так далее.

Директор наш, конечно, огни и молнии.

— Нашёл время болеть! — кричит он на инспектора. — Ты будешь болеть, а четыре ящика почек алкоголика будут на складе мариноваться? А печень нормального человека ждать будет? Вот ударю тебя рублём, тогда ты у меня попрыгаешь.

— Ничего похожего! — горячо возражает инспектор. — Вот стукну завтра бюллетенем об стол, и ничего вы мне не сделаете.

Плюнул директор и обращается ко мне, как к первому попавшемуся на глаза:

— Придётся, Малахов, тебе как заведующему складом самому съездить...

— Что вы! — говорю. — На мне вся продукция. Одних брюшных полостей сот восемь.

Директор прищурился и говорит:

— Эй, Малахов, не порть себе автобиографию... Вот как рубану тебе строгий выговор с довеском, тогда ты у меня потанцуешь...

Уговорил, одним словом.

На другой день получил я документы, расценки, взял образцы товаров и со вчерашним вечерним поездом выехал в областной центр.

Приезжаю в областной центр и прямо с вокзала иду в торговый отдел. Начальство одной рукой по телефону разговаривает, другой рукой перебирает мои образцы. И говорит мне:

— Игрушечки вырабатываете? Дедики-морозики, карнавальные масочки? Не тем наша область дышит, дорогой товарищ! Всего хорошего.

— А вот тут, — говорю, — учебные пособия есть: печень, селезень.

— Не ходовой товар, дорогой товарищ! Всего хорошего.

Собираю я свои образцы опять в свёрток и сильно расстроенный иду вниз. Вот тут-то самое страшное и начинается.

Хочу я, значит, выйти в парадную дверь, а швейцар, здоровый такой жердила, вдруг хват меня за шиворот.

— Врёшь, — говорит, — не улизнёшь. Что это у тебя в руках?

— Свёрток, — говорю. — Образцы товаров и харчи на дорогу.

— Пропуск на эти вещи имеешь?

— Да ведь ты меня, когда я входил, видел с этим свёртком.

— Это, — говорит, — не моё дело. Я сейчас коменданта позову, он тебя, голубчика, приласкает...

Моментально прибегает комендант, на ходу дожёвывая какую-то пищу, и скороговоркой спрашивает:

— Где отбывали последнее наказание?

— Что вы, — говорю, — господь с вами! Вот мои документы, я от такой-то фабрики приехал по сбыту.

Он взглянул на документы, подморгнув мне, и говорит:

— Липа. Я обоих инспекторов фабрики наизусть знаю.

Начинаю ему объяснять, как я в инспекторы попал, — не верит.

— Справка о несудимости, — говорит, — есть? Нет? Я так и знал. Кто в городе может удостоверить вашу личность?

Я от расстройства чувств сначала замаялся, но довольно быстро вспомнил.

— Племянник же, — говорю, — у меня в облздравотделе работает по снабжению!

— Сомневаюсь, — говорит комендант, — чтобы у вас племянники по снабжению работали... Однако давайте фамилию, будем звонить.

Начинает он звонить в облздравотдел. А тем временем вокруг собираются любопытные из числа посетителей. Спасибо, через короткое время является мой племянник. Комендант его прямо сходу спрашивает, не давая оглядеться:

— Скажите, данный гражданин действительно является ваш дядя?

— А в чём дело? — спрашивает племянник.

— Данный гражданин проник в наше здание. Документы у него по всем признакам подложные. Что именно он похитил, — установит следствие. Дядя он вам или не дядя?

Племянник услышал такие обвинения и сразу перестраивается. Всмотривается в меня и говорит:

— Шут его знает. Нет, это, наверно, не мой дядя, это ещё чей-нибудь.

— Серёжка! — кричу. — Ты что же, подлец, своих не узнаёшь! А шиблеты на тебе чьи? В прошлом году шиблеты тебе за полцены отдал, самому малы были!

Он тут немного ступенчался и говорит:

— Шиблеты, действительно, помню, а вот лицо ваше не совсем припоминаю: вы тогда побритые были, и голова была стрижена под первый номер.

— Стоп! — кричит комендант. — Это мы сейчас установим: айда в нашу парикмахерскую.

Делать нечего: иду. Любопытные тоже идут. Комендант говорит парикмахерше:

- Почему ты так похудел?
- Влюблён до гроба.
- Так женись.
- Боюсь. Развод очень дорого стоит.

— Подождите добривать вашего клиента: срочно остригите и брейте в мою голову вот этого типа. Для установления состава преступления. Барышня стрижёт, а сама от страха вся трепещет.

Племянник, подлец, в это время с комендантом о чём-то шепчется и рассматривает образцы в свёртке. Барышня добрила меня и дрожащим голоском спрашивает:

— Одеколоном освежить?

— Не знаю,— говорю,— начальству виднее...

Комендант велел освежить. И обращается к племяннику:

— Теперь можете опознать? Дядя он вам или нет?

— Теперь дело другое,— говорит племянник.— Это, действительно, родной дядя. Работает там-то. Подтверждаю.

— Жаль,— говорит комендант.

И уходит по своим делам. А я говорю племяннику:

— Неужели ты, паршивец, правда, не узнал меня?

— Это неважно,— говорит он.— Замнём. Пойдёмте ко мне чаёвничать. А, между прочим, какую это я у вас в свёртке видел фигуру? Это, бывает, не печень нормального человека?

— Она,— говорю,— освоили на свою голову. Она у нас в печёнках сидит: начали выпускать и затоварились.

— А печени алкоголиков, бывает, не заготавливаете?

— Делаем. Два ящика её лежит, чтоб ей пусто было! Я на неё, проклятую, на складе наглядился,— даже пить бросил.

— Беру!— кричит вдруг племянник.— Весь город обегал, хотели в центр посылать за этими пособиями. Пойдём в облздрав.

Тут из числа любопытных один подходит:

— Извиняюсь, а масочки, я видел в свёртке, продаются?

— Продаются масочки.

— А деды-морозы?— другой спрашивает.— А то в торговом отделе отказали мне: говорят, нет.

Короче говоря, на все мои образцы нашлись представители покупающих организаций. Один даже спрашивает:

— Я там у вас среди образцов видел одну сушёную воблу. Не продаётся ли?

— Нет,— говорю,— это мне жена на дорогу положила.

В общем мало того что я расторгнулся,— я ещё вперёд заключил с облздравотделом договор: на лёгкие, сердца и другую мелочь.

Возвращаюсь на фабрику—меня на руках носят. В приказе благодарность объявили, премировать грозилась. Но самое главное: подняли по служебной лестнице... Да что там подняли, вознесли!

Алексей РЕЗАПКИН

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

В ШКОЛЕ

Учитель: — Как узнать возраст гуся?

Ученик: — По зубам.

Учитель: — Но у гуся нет зубов!

Ученик: — Зато у нас есть.

ПОМОГАЕТ

Одна соседка говорит другой:

— Вы должны были бы попробовать полечить вашего мужа от пьянства фруктовым соком. Прямо удивительно, как это помогает. Я своего мужа восемь раз уже вылечила.

ЗНАТОК

— О чём нужно говорить с женщиной?

— О её красоте.

— А если она некрасива?

— Тогда о безобразии других женщин.

НЕСТАРЕЮЩАЯ ШЛЯПА

— Эту шляпу я ношу уже двенадцать лет.

— Быть не может! Она выглядит совсем, как новая...

— А мне её за последний год раза два-три переменили в театре!

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

— Величайшее наслаждение доставляет мне музыка, когда я прислушиваюсь, закрыв глаза.

— Если бы вы только не храпели так при этом!

СВЕЖИЕ СИЛЫ

— Для чего в твоей комнате этот бочонок пива?

— Предписание врача, мой друг. Он сказал, что пиво восстановит мои силы.

— Ну, и что, помогло?

— Ещё как! Когда я принёс бочонок в комнату, то едва тащил его, а теперь поднимаю без труда.

КУКРЫНИКСЫ

— Не говорите мне о пьесах, которые написаны до «Сотворения мира».

Я играю в теннис

И ТАК, судя по заглавию, мне нужно будет рассказать нам относительно моей игры в теннис.

Это событие имело место во время одного из моих летних отпусков.

Так как у меня всегда не ладилось с описанием природы, то я замечу лишь, что дело происходило в парке. Я сидел близ теннисного корта и держал в руках книгу, герои которой как раз в этот момент сжимали друг друга в объятиях.

Я сидел, с соболезнованием следя за книжными событиями, когда на корте появилась небольшая группа, состоящая из девушки и двух молодых людей. Один из них, в красном галстуке, держал в руках четыре ракетки. Другой — в белом берете — шёл, подбрасывая в воздухе два мяча.

Должен вам признаться, что я не теннисист. Этим я хочу не только отметить тот факт, что среди первых десяти мировых ракеток моё имя не значится, но также подчеркнуть, что подобное упущение не вызывает ни у кого вопросов.

Вшедшая группа присела неподалёку от меня, ожидая, очевидно, четвёртого партнёра. Но бездействие скоро наскучило теннисистам, и, оставив девушку сидеть, её товарищи разошлись по разным сторонам сетки, чтобы немного перекинуться мячом.

Посидев некоторое время, девушка начала проявлять признаки нетерпения. Ей хотелось играть, но для парной игры не хватало партнёра.

Мне очень приятно, что я имею дело с такими догадливыми читателями и что нет необходимости говорить о том, кому было предложено помочь составить парную игру. Когда предложение было сделано, то последняя сводка из

книги гласила, что воздушные руки героини всё ещё надёжно обвивались вокруг шеи героя и содержание обещало остаться неизменным на протяжении ближайших трёх — четырёх страниц.

Это решило дело. Правда, ранее мне никогда не приходилось брать ракетку в руки, за исключением того случая, когда я держал ракетку товарища, пока он поправлял шнурки на ботинках. Однако, если признать этот факт за достаточную практику, то вы можете считать, что я находился в форме.

Не желая разочаровывать своих новых знакомых, я смело взял ракетку и, повертев её, как пистолетом, согласился играть в паре с беретом.

Мой партнёр предложил мне стать у сетки, чем я был очень доволен, так как это место казалось мне наиболее защищённым от ударов.

Подала девушка. Она засадила оба мяча в сетку, после чего мой партнёр провозгласил счёт:

— Ноль — пятнадцать.
— Чей ноль — пятнадцать? — я притворился возмущённым, чтобы разобраться, в чём дело.
— Их — ноль, наши — пятнадцать.
— А-а, — сказал я. — Но хватит с нас и десяти.

Следующие два мяча девушка подавала с другого угла. Быстро забив первый мяч в сетку, наша противница заставила второй упасть перед беретом.

Берет отбил мяч, и когд белый шарик пролетел мимо меня обратно, он показался мне настолько аппетитным, что я добавил ещё один резкий удар — сверху вниз.

Это нам стоило, правда, изменения счёта —

теперь он стал по пятнадцати, — но я полагаю, что ничего не дорого, когда хочешь доставить себе безобидное удовольствие.

Теперь я уже начал ориентироваться в игре. Для меня стало ясным, что так или иначе, но первый мяч должен сидеть в сетке. Поэтому, говоря об очередной подаче девушки, я сразу скажу, что второй мяч перелетел сетку так высоко, что ударился возле самой ограды. Сознавая свою беспомощность, мой партнёр даже не попытался взять этот мяч.

— Тридцать — пятнадцать, — произнёс я.
— Пятнадцать — тридцать, — ворчливо заметил берет.

Мне ещё с детства известно, что от перестановки слагаемых и так далее... Киселёв, тридцатая страница, третья строка сверху. Однако я не стал возражать, так как понимал, что неудача с мячом заставила моего партнёра забыть эту простую истину.

Так как в следующей подаче мяч проходил очень близко от меня, то я отбил его обратно, прямо на девушку. Однако она его не приняла.
— В чём дело? — сочувственно спросил я. — Вывихнули руку?

— Зачем вы взяли не свой мяч? — воскликнула девушка, обходя мой вопрос.

— Такой уж у меня характер. Я всегда жертвую собой, чтобы избавиться от неприятности своих друзей.

Идя на своё место, я с целью расположить к себе девушку, сказал ей:

— Вы можете передать первый мяч мне. Я с удовольствием положу его за вас в сетку. Подавайте сразу второй.

К сожалению, девушка не оценила моего доброго намерения. Она визгливым голосом попросила меня избавиться её от советов, после чего закусил губу и отправила оба мяча в сетку. Они легли рядом, как близнецы. Это было умопомрачительное зрелище.

— Сорок пять — тридцать, — я постарался сказать это возможно мягче.

— Сорок — тридцать, — предложил берет. Не желая казаться злопамятным, я согласился.

Так как новый поданный мяч шёл на меня, то я присел. Мой партнёр отбил его. Но когда я поднялся, то первое, что я увидел, это был белый шарик, падающий почти мне на голову. С силой ударив по мячу снизу вверх, я отбил его так, что он перелетел сетку на высоте примерно семиэтажного дома. Более того. Мяч перелетел также и ограду. Причём я должен с гордостью отметить, что наши противники ничего не в состоянии были предпринять, чтобы задержать его...

Мы перерыли все кусты, но, к сожалению, без результата.

Наконец, мне пришла в голову мысль оставить кустарник в покое и направиться к небольшому пруду, расположенному неподалёку.

Всё было в порядке. Как я и ожидал, мяч оказался там.

Мой партнёр достал его и, отряхнув от воды, подошёл ко мне. Ему понадобилась ракетка, и он попросил её вежливым голосом.

Несмотря на последний очень сильный удар, ракетка была в полном порядке. Возвращая её, я заметил, что, во всяком случае, жилы, без сомнения, удастся вновь натянуть.

Но вот тут-то мои новые знакомые и повели себя совершенно необъяснимым образом.

Я бы никогда не поверил, что двое мужчин и одна девушка, виноват, одна девушка и двое мужчин, смогут поднять такой шум.

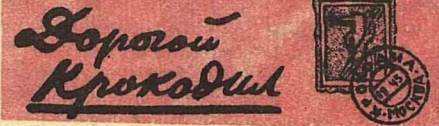
Их слабым местом, однако, было однообразие. Они выбирали какое-нибудь одно словечко и вслед за тем начинали склонять его во всех шести падежах, как если бы имели дело не со мною одним, а с целой футбольной командой.

— Стоит ли заводить так много разговоров, — вставил я, уловив момент, когда они набирали воздух, — из-за того только, что мне удалось перекинуть мяч вместо одной сетки через две?

Моя непосредственность, очевидно, совершенно обезоружила их.

Во всяком случае, мне удалось сравнительно неторопливо и безболезненно добраться домой. И только дома я вспомнил, что забыл свою книгу с полудыхающимися героями на скамейке.

С. КОТЛЯР

(ЦИОБМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Начальник управления по восстановлению и строительству шахт в Первомайске получил недавно от директора совхоза «Садрассадник», Харьковской области, тов. Стахова волнующую, хотя и не совсем грамотную записку:

«Наряд Ваш № 15-18 от 21.VIII 45 г. Ворошиловградским облторготделом отменён на 8 тонн, но если вы СРАЗУ с 1.X.45 г. СРАЗУ пришлёте мне не меньше 2-х тонн угля курного и 3 автомашины, выдам СРАЗУ вам 8 тонн яблочк».

Мне кажется, что Стахов запросил слишком много курного угля. Для того чтобы выкурить из совхоза антигосударственные тенденции, вовсе не нужны 2 тонны топлива. Для этого совершенно достаточно вмешательства прокуратуры. Поскольку же Стахов любит всё делать сразу, хорошо бы, чтобы и вмешательство это тоже последовало сразу.

Д. МОИСЕЕВ

г. Первомайск,
Ворошиловградской обл.

Дорогой Крокодил!

Оказывается, я болен. Диагноз болезни, правда, ещё не определён, но наличие болезни точно установлено сердобольным директором камнедробильного завода треста «Укрнедрпром» тов. Бубоном.

Недуг возник в связи с тем, что я по долгу службы произвёл ревизию на заводе. Причём означенная ревизия протекала не на сквозняках, не в сырости, а при вполне нормальных условиях. И даже больше: она обнаружила значительные беспорядки на заводе, о которых я сообщил в трест.

Тов. Бубону, естественно, это не понравилось, и он снял меня с работы, издав такой приказ:

«Считать уволенным с работы по состоянию здоровья».

Интересно знать, не про таких ли врачей, как тов. Бубон, говорят: «Врачу, исцелися сам».

Г. ЕРЕЦКИЙ

Харьков.

— И кто только учит тебя драться! Сколько раз я тебе говорил, что драться — безобразие!

Дорогой Крокодил!

Можно ли наладить работу столовой так, чтобы не было никаких нареканий и жалоб?

С некоторых пор я убедилась, что этого можно добиться, и притом довольно легко. По крайней мере, у нас на ликёро-водочном заводе столовая поставлена идеально. Заводской комитет не нарадуется, глядя на успехи столовой.

Работники столовой, особенно её директор Евдокия Фёдоровна Судакowa, не остаются в долгу и буквально в восторге от повседневного руководства и помощи со стороны заводского комитета, особенно его председателя Евдокии Фёдоровны Судаковой.

Секрет такого «взаимного уважения», мне кажется, ты разгадал, дорогой Крокодил.

Е. УКОЛОВА

г. Муром.

Наднях я получила телеграмму следующего содержания:

ЕРЧ ПОМЧ ЛЕН ИНЧ 13 КВЖАУ БЕЛУЕМ ЖФ 0204 СТАЛИНО ЮБЛЖАЕДА 16 20 1220 ВЫ ЛЕНОНГРЧД СТУРИОРСКАЯ 5 ОКВАРТИРЧ 122 ТИШЕНКО ДЛЯ КЛАВДИИ ПЧВЛОВ ВЫЕХАЛ МОСКВА 200 ЖИДАИТЕ ДОМОЮ ЧЕЛТЮ ГАЛИНА

Хотя среди моих знакомых нет ни одного человека, который изъяснялся бы на таком наречии, я всё же обратилась к специалистам за переводом. Но, к сожалению, никто не в состоянии был расшифровать загадочного текста.

Тогда в качестве последней меры я кинулась в Наркомсвязь. Здесь посмотрели на телеграмму и тут же без запинки прочитали:

ЭРА ДОМА ЛЕНИНА 13 КВ 14 ЦЕЛУЕМ

Так вот что, оказывается, скрывала за собой непонятная на первый взгляд телеграмма после перевода.

ЖАРОВА

Москва.

Дорогой Крокодил!

Поторопись, пока не поздно! Купи чулки в нашем универмаге. Очень дешево — всего 117 рублей за две пары. Собственно, чулки сами по себе стоят лишь 15 рублей. Но добрая администрация, заботясь о насущных нуждах покупателей, в обязательном порядке прилагает к чулкам губную помаду за 30 рублей, одеколон за 60 рублей и пудру за 12 рублей.

Но, говорят, что, к сожалению, помада, одеколон и пудра уже наисходе. И в универмаге паника: с чем ещё продавать чулки?

Единственная надежда на детские кровати и книжные шкафы, которые вот-вот должны появиться в продаже.

Т. СТЕЦУРИНА

г. Киров, областной.

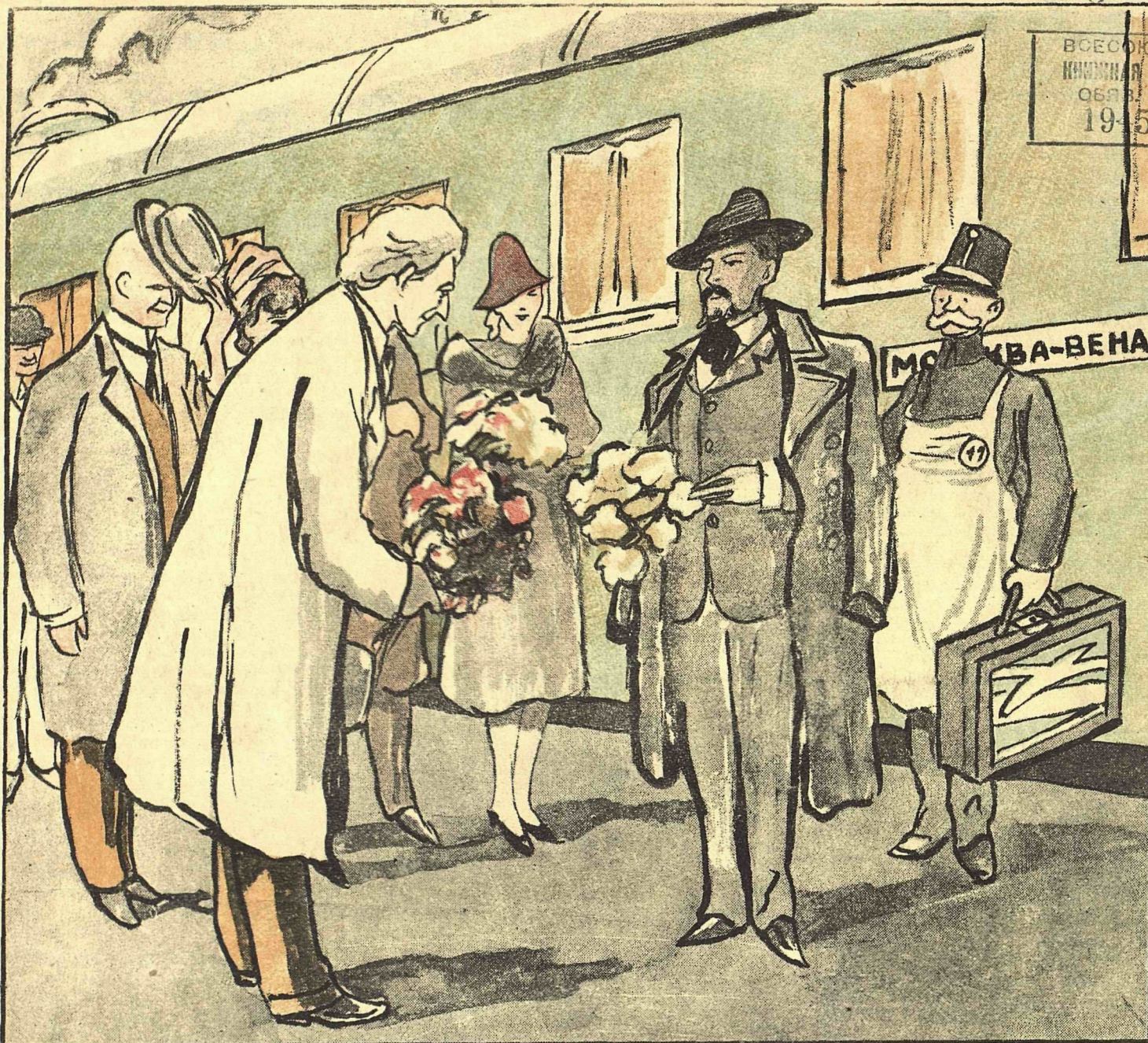
ОТ РЕДАКЦИИ

За выдающиеся заслуги в области советской художественной сатиры Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил почётное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР сотрудникам Крокодила художникам Л. Г. Бродаты, Ю. А. Ганфу и К. С. Елисееву.

Рис. С. Герштейна

Неправильный глагол.

ДЯДЯ ВАНЯ: — За мной едут ещё «Три сестры» и другие «Русские люди».

САМОВАР

Что держать тебя в опале,
Память, друг хороший мой?
Было дело... Отступали
В сорок первом, под Москвой.

Опустела деревушка:
Все ушли — и млад и стар...
Нам с товарищем старушка
Подарила самовар.

Небольшой, начищен ярко,
Словно бляха на парад,
Самоварчик тульской марки
Был уборист и пузат.

Погодала бабка в карты:
Всё король, да всё не тот...
— Я умру, а самовар-то
Прямо к немцу попадёт!

Так уж вы, родные, бейте,
Обломайте немцу путь,
И чайком себя согрейте
На досуге как-нибудь.

Старый дым бродил над яром,
Боль царапала глаза...
И пошли мы с самоваром
В подмосковные леса.

И товарищи шутили:
— С самоваром? На войну?
Вы б перину прихватили
И жену, да не одну!

Мы курили самокрутки,
Улыбались: не беда!
От товарищеской шулки
Не убудешь никогда.

Отступая, немца били
На Можайском рубеже
И чайком друзей поили
После боя в блиндаже.

Было трудно, было всяко,
Довелось ночей не спать;
Было муторно; однако
Перестали отступать.

В битву шли и отличались
Мы с товарищем не раз
И нигде не разлучались
Самовар и двое нас.

Шли в пыли, в дыму,
в раскатах,
Мяли дикий молочай.
В белорусских избах-хатах
По-московски пили чай.

Пили чай, табак курили,
Лихо чистили штывки;
По-московски немца били
У Березины-реки.

В Кенигсберге побывали:
Пруссаков приятно бить!
И чаёк не забывали
На досуге вскипятить.

То ль в землянке, то ль в окопе
Самоварчик пустит пар...

И пошёл гулять в Европе
Подмосковный самовар!

Так и жили. И поныне
В нашей роте помнят нас.
Мы под липами в Берлине
Пили чай в последний раз.

Небольшой, начищен ярко,
Как звезда среди руин,
Самоварчик тульской марки
Ворковал на весь Берлин!

Путь втроём прошли мы славно,
Не во сне, а наяву —
Мы с товарищем недавно
Возвратились под Москву.

Ту деревню посетили,
Где над речкой зелен яр,
Той старушке возвратили
И судьбу и самовар.

Иван МОЛЧАНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.
Изд.-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 787.

Подп. к печати 17/ХІ 1945 г.

Статформат 72×106 см.

Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000

А 23053

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2393.

Тираж 120 300 экз.